

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-3 -38-46

УДК 821-161-1

*Patrik Lekes,
Constantine the Philosopher University in Nitra,
Nitra, Slovak Republic.*

*Патрик Лекеш,
Университет им. Константина Философа в Нитре,
Нитра, Словакия*

*For citation: Patrik Lekeš, (2022).
Some Notes of the Triadic Character
of Dostoyevsky's Creativity.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 38-46 (in USA)*

Manuscript received: 15/10/2022

Accepted for publication: 20 /11/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

К ВОПРОСУ О ТРИАДИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

SOME NOTES OF THE TRIADIC CHARACTER OF DOSTOYEVSKY'S CREATIVITY

Abstract:

The article considers triadic as one of the most important principles of Dostoyevsky's writing. The triad (triadic, the symbolism of the number three) represents a fundamental counterbalance to binary logic based on binary oppositions (not just up and down or left and right, but also good or bad, right or wrong etc.), and it is precisely the triadicity that allows Dostoyevsky to describe the deep motivation of human actions, to penetrate and to disturb standard insights in the pit of the human soul. Our literary and philosophical approach is developed on the basis of the aesthetic-anthropological concept of literature, the founder of which is the Slovak literary critic A. Chervenýak. In the process of aesthetic-anthropological analysis, which is based on the "triad" as one of the main parts of A. Chervenýak's aesthetic-anthropological concept, individual elements of a triadic nature (time, characters, concepts, set phrases, etc.) are to investigate. On the material of Dostoyevsky's works (*Double*, 1845-1846; *Crime and Punishment*, 1866), the article points to the productivity of the triadic aesthetic-anthropological approach to the Dostoyevsky's work.

Keywords: Russian literature, Dostoyevsky, *The Double*, *Crime and Punishment*, aesthetic-anthropological concept, prof. Chervenýak, triadic

¹ Príspevok bol vypracovaný s podporou grantu III/7/2022 (UGA UKF v Nitre)./ Стаття розроблена в рамках проекту III/7/2022 (UGA, УиКФ в Нитре, Словакия).

Аннотация:

В статье рассматривается триадичность² как один из важнейших принципов творчества Достоевского. Триада, триадичность, символика цифры три представляют фундаментальный противовес бинарной логике основанной на бинарных оппозициях (за – против, хорошо – плохо и т.п.), причем как раз триадичность позволяет Достоевскому описать глубинную мотивацию человеческих поступков, проникновение на «дно человеческой души». Наш литературно-философский подход разработан на основе эстетико-антропологической концепции литературы, основоположником которой является словацкий учёный-литературовед А. Червеняк³. В процессе эстетично-антропологического анализа, в основе которого лежит «триадичность» как одна из основных частей эстетико-антропологической концепции А. Червеняка, показаны отдельные элементы, имеющие триадический характер (время, персонажи, понятия, устойчивые словосочетания и т.д.). На материале произведений Достоевского («Двойник», 1845–1846; «Преступление и наказание», 1866) в статье указана продуктивность триадического подхода к творчеству писателя.

Ключевые слова: русская литература, Достоевский, «Двойник», «Преступление и наказание», эстетико-антропологическая концепция, проф. Червеняк, триадичность

Введение

В творчестве Достоевского отражено множество психологических, социальных, религиозных и философских элементов человеческой жизни. Компонент триадичности или триадическая структура характерны не только для художественного текста и литературоведения. Триадичность присуща напр. в религии – **Отец, Сын и Святой Дух**. Часто триадический образ можно заметить и в психологии или психиатрии. Австрийский психиатр – основатель психоанализа – З. Фрейд использовал при определении структуры⁴ личности 3 компонента: **Ид – Эго – Суперэго**. Чешский учёный-психолог Й. Шванцара⁵ разработал модель трех категорий,⁶ состоящую из 3 основных элементов детерминации личности человека: **воспитание, среда и врожденные склонности**. Психолог немецко-

² В статье мы будем использовать термин триадичность.

³ А. Червеняк (1932 – 2012) – профессор, доктор наук, известный выдающийся словацкий учёный-русист и литературовед. Более подробно о вкладе проф. Червеняка в словацкое достоевскоеведение смотри: Муранска, Н. (2007). *Esteticko-antropologická koncepcia literatúry a prof. PhDr. Andrej Červeňák*, DrSc. Nitra: UKF. 338 p.; Муранска, Н. (2019). Художественный антропоцентризм Ф.М. Достоевского и антропологическая эстетика. In: *Ф.М. Достоевский: состояние исследований и современное значение*. Brno: Masarykova univerzita. pp. 79 – 96.; Муранска, Н. (2020). Творчество Ф.М. Достоевского в словацком культурном пространстве. In: *Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации*. Новокузнецк – Красноярск: Новокузнецкий институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет». pp. 82 – 92.

⁴ З. Фрейд разработал данную структуру личности на основе личного опыта в рамках психиатрической практики. Он определил три основных компонента: Ид („ОНО“ – инстинктивная, врожденная часть), Эго („Я“ – решает все проблемы и вопросы, причем удовлетворяет желания Ид в соответствии с внешним миром), Суперэго (система этических и социальных норм, принятых в окружающей среде человека, чтобы он смог эффективно функционировать в обществе). Если эти 3 компонента вступают в конфликт, то в крайнем случае, когда психика уже не способна решать проблемы, на их основе могут возникать психические расстройства. / См. об этом напр.: Freud, S.: *Jokes and Their Relation to the Unconscious*. 1960; *The Ego and the Id*. London: The Hogarth Press, 1923.

⁵ Й. Шванцара (1924 – 2020) – чешский учёный, специалист в области когнитивной, эволюционной и экспериментальной психологии.

⁶ См. об этом: Švancara, J. *Biologická determinácia správania*. Bratislava: SPN, 1975.

американского происхождения К. Хорни⁷ ввела интересную метафору тройного маладаптивного⁸ интерперсонального „движения“⁹: **к людям** (если я подчинюсь, меня никто не обидит), **от людей** (если я отступлю, меня никто не обидит), **против людей** (если окружающие под моей властью, меня никто не обидит). Словацкий учёный-психолог Д. Ковач¹⁰ – автор трёхкатегориального прототипа „BIO-PSYCHO-ENVI“¹¹ модели формирования личности – определяет 3 основных источника возникновения, формирования и действия личности: **внутренний** (врождённость – наследство), **внешний** (среда – культура), **психический** (рефлексивно-регулятивный подход¹²).

Философия также обладает триадическим компонентом. Например, немецкий философ Г. В. Ф. Гегель разработал собственную т.н.з. триаду Гегеля¹³, которая объединяет два противоположных компонента с каким-то третьим компонентом, выражающим гармонию первых двух (напр. **бытие, ничто и становление**¹⁴). Это только некоторые примеры использования триады в науке.

Исходя из эстетико-антропологической концепции литературы, А. Червенияк пишет, что человек сталкивается со своими природными (экология, генетика и т.д.) и духовными проблемами (научные, художественные и т.д.), но всегда решает их на фоне социальных вопросов. Таким человеком был и Достоевский. Если употреблять данный подход к творчеству и жизни Достоевского, то можно задуматься над вопросами прошлого, настоящего и будущего [2, с. 15].

Научный подход к творчеству Достоевского показывает, что человек Достоевского¹⁵ является многогранным и многоплановым. Он состоит из трёх компонентов: **социального детерминизма, духовно-космического детерминизма и природного/физиологического детерминизма** [2, с. 114].

Творчеству Достоевского свойственны 3 основных момента: 1) Основой является глубинное видение и понимание **реальности**; 2) эта реальность становится основой подлинного, истинного **реализма**; 3) и этот глубинный реализм отображает реальность, транспонированную в человеческом **сознании**. Такого восприятия реальности, реализма и человека дано Достоевскому и поэтому его называли иррационалистом, даже мистиком [2, с. 119].

Вышеуказаны заметки эстетико-антропологической концепции указывают на триадический характер творчества Ф.М. Достоевского. Это точно определяет и сам основатель концепции, который приходит к заключению, что художественное мышление Достоевского является триадическим/трихотомным. Немало ситуаций, разговоров, мыслей, слов или персонажей встречаются в его произведениях три раза (3 встречи, 3 сна...) [2, с. 123].

⁷ К. Хорни (1885 – 1952) – психоаналитик и психолог немецко-американского происхождения, одна из самых важных представителей неопрейдизма, и автор оригинальной теории в области исследования личности с точки зрения женской психологии.

⁸ Маладаптивное поведение или дезадаптация – это явление, когда возникают проблемы с адаптацией к среде.

⁹ См. об этом: Horney, K.: *Neurosis and Human Growth*. New York: W. W. Norton and Co., 1991.

¹⁰ Проф. Д. Ковач (1952 – 2021) – один из самых знаменитых специалистов-психологов в Словакии, особое внимание уделял изучению памяти или психомоторики. Он основал Братиславскую школу экспериментальной психологии (Bratislavská škola experimentálnej psychológie).

¹¹ См. об этом: Kováč, D.: *Základné kategórie psychológie*. Bratislava: UEP SAV, 1996.

¹² Данный подход определяет, что на формирование личности влияют тоже внутренний мир человека, его психика и когнитивный и эмоционально-волевой потенциал человека.

¹³ См. об этом: Hegel, G. W. F.: *The Science of Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

¹⁴ Это типичный пример триады Гегеля./ См. об этом: Hegel, G. W. F.: *The Science of Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

¹⁵ В рамках исследования мы будем обозначать персонажей термином „человек Достоевского“, потому что его герои наделены как обычным, так и специфическим характером. Чтобы подчеркнуть этот факт, мы используем данный термин, который приводит в работах А. Червенияка.

В статье используется термин триадичность для определения символики цифры три и трихотомных компонентов в тексте.

Компоненты триадичности в произведении «Двойник»

Проявления триадического характера разнообразны. Когда главный герой поэмы господин Голядкин обращался к врачу – Крустьяну Ивановичу: «*Потом, опомнившись и смутно заметив, что сделал две глупости разом, решился, нимало не медля, на **третью**(...)*» [4, с.114]. «*Третья глупость*», связана с его извинением и он: «*(...)пробормотал кое-что, улыбаясь, покраснел, сконфузился, выразительно замолчал (...)*» [4, с.115].

Триадичность применялась Достоевским и на уровне времени – касается, например, часов или дней. Когда Голядкин обращался к Кларе Олсуфьевне: «*(...) (дело-то было **третьего дня** у Олсуфья Ивановича) (...)*» [4, с.120]. Когда он торговал в лавках: «*(...) спорил иногда долго с купцами, уходил из лавки и **раза по три** возвращался (...)*» [4, с. 122], после того у него проявлялось странное ощущение и наконец-то сел в карету: «*Ни за что бы не согласился он теперь встретиться, например, с Андреем Филипповичем или хоть с Крестьяном Ивановичем. Наконец городские часы пробили **три** пополудни.*» [4, с. 123]. Он три раза возвращался – значит – триадичность проявляется и на уровне действия. Что касается времени – пробило три часа, когда он наконец сел в карету после трудного дня. Другая ситуация – когда его (не)было на балу, и он стоял на холоде: «*Сейчас только, — выстаивая, впрочем, уже **третий час** на холоде, между шкафом и ширмами, между всяким хламом, дрязгом и рухлядью...битые три часа в сенях, в темноте и на холоде (...)*» [4, с.131]. Цифра три также связана со временем, когда появился двойник Голядкина и рассказывал ему свои приключения: «*Рассказ господина Голядкина-младшего продолжался **часа три** (...)*» [4, с.155].

В вышеприведённых примерах можно заметить кроме компонента времени, и компонент деятельности. Виды деятельности главного героя также повторялись три раза, напр. когда у него спрашивал Петрушка – его слуга: «*Куда прикажете? — спросил он господина Голядкина, встречая его страшный, всеуничтожающий взгляд, которым герой наш уже два раза обеспечивал себя в это утро и к которому прибегнул теперь **в третий раз**, сходя с лестницы.*» [4, с.125]. В ситуации, когда Голядкин просматривал бумаги, можно снова заметить, что его три раза кликнул Андрей Филиппович: «*Тут Андрей Филиппович второй раз кликнул господина Голядкина (...) Андрей Филиппович **третий раз** кликнул господина Голядкина.*» [4, с.164]. Двойник Голядкина поступил работать чиновником, потому что его предшественник, у которого было, между прочим, трое детей, умер: «*Ведь вот, право, сердечный этот Семен-то Иванович покойник **троих детей**, говорят, оставил — мал мала меньше.*» [4, с.149].

Таким же образом автор триадический характер придавал и лицам или предметам. Например, случай с третьей страницей. Голядкин-младший говорил только о третьей странице: «*Вы, разумеется, их обернете оберточкой, Яков Петрович, а **третью-то** страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яков Петрович (...)*» [4, с.164], или, когда взглянул на окна квартиры статского советника Берендеева: «***Кроме трех** завешенных красными гардинами окон, остальные все были темны.*» [4, с.177]. Только три окна были занавешены. Потом, когда герой рассказа карабкался на экипаж, Достоевский придал триадический характер движениям лошади: «*Извозчик между тем и кнутом, и вожжой, и ногой, и словами понукал свою разбитую клячу, которая совсем неожиданно понеслась вскачь, закусив удила и лягаясь, по скверной привычке своей, задними ногами на **каждом третьем шагу.***» [4, с. 205].

Во время посещения Голядкина-младшего (двойника), господин Голядкин был пьян и много говорил: «(...)и вздору с **три короба**¹⁶ намолол, да еще хитрит, подлец, (...)» [4, с.159]. В данном случае автор использовал фразеологизм с цифрой три.

В конце поэмы явен ещё один из важнейших случаев в сюжете, когда Голядкин-старший уже сошёл с ума, и его двойник сбежал, чтобы открыть ему карету: «Злорадственный господин Голядкин-младший **в три прыжка** сбежал с лестницы и сам отворил карету. Крестьян Иванович увещательным жестом попросил садиться господина Голядкина.» [4, с. 228].

Анализ показал, что в тексте часто и сильно используется триадичность на разных уровнях – количество понятий (три глупости, три прыжка, три шага...), дней, часов (третий час на холоде...), людей (трое детей...) и т.д. На основе повторяющихся компонентов с триадическим характером, можно утверждать, что явление триадичности очень сильно проявляется в тексте.

На полях триадичности в «Преступлении и наказании»

В этом романе Достоевский использовал тоже цифру три на уровне описания количества разных вещей или понятий – дни, шаги, деньги и т.д. Раскольников шёл к старухе и знал, сколько это шагов от ворот его дома: «Идти ему было немного; он даже знал, сколько **шагов** от ворот его дома: **ровно семьсот тридцать.**» [5, с. 5], или, когда Раскольников шёл к дому Сонечки, он бродил в недоумении и не мог найти Капернаума: «А Раскольников пошел прямо к дому на канаве, где жила Соня. Дом был **трехэтажный**, старый и зеленого цвета (...) Покамест он бродил в темноте и в недоумении, где бы мог быть вход к Капернаумову, вдруг, **в трех шагах** от него, отворилась какая-то дверь (...)» [5, с. 298].

Дальше: описывая квартиру Раскольникова, автор указывал на три стула: «Мебель соответствовала помещению: было **три старых стула**, не совсем исправных (...)» [5, с. 27]. У Раскольникова были две вещи, которые можно было бы заложить, но одна из них – кольцо – имеет триадический характер: «(...)старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с **тремя какими-то красными камешками** (...)» [5, с. 62].

Свидригайлов высказывался, что они с Марфой Петровной почти никогда не дрались, но все-таки случилось три раза: «Хлыст я употребил, во все наши семь лет, всего только два раза (если не считать еще одного **третьего случая**, весьма, впрочем, двусмысленного) (...)» [5, с. 267]. Со Свидригайловым связана и одна из ключевых сцен романа, когда Дуня находилась в комнате со Свидригайловым и бросила револьвер: «Револьвер, отброшенный Дуней и отлетевший к дверям, вдруг попался ему на глаза. Он поднял и осмотрел его. Это был маленький, карманный **трехударный револьвер** (...)» [3, с. 474].

Самостоятельно рассматривается триадичность на уровне денег – Старуха Раскольникову назвала сумму: «Да за два прежних рубля с вас еще причитается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, **тридцать пять.**» [5, с. 9], или, когда к старухе явилась Сонечка: «Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней **тридцать целковых** молча выложила.» [5, с. 18]. Мармеладову тоже дала Сонечка деньги на водку, для выпивки, : «**Тридцать копеек** вынесла, своими руками... **Тридцать копеек**, да-с. А ведь и ей теперь они нужны... я вот, кровный-то отец, **тридцать-то** эти копеек и стащил себе на похмелье!» [5, с. 22]. Раскольников заплатил за письмо от его матери: «Письмо! ко мне! от кого? — От кого, не знаю. **Три копейки** почтальону своих отдала (...) вот твои **три копейки**, только, ради бога, скорей уйди!» [5, с. 29], и так далее.

На уровне времени тоже автором употребляется триадичность в ситуации, когда Раскольников мыл топор: «Отмыв их, он вытащил и топор, вымыл железом, и долго,

¹⁶ Это устойчивое сочетание, которое употребляется в значении «очень много».

минуты с три, отмывал дерево...» [5, с. 78], или в тот момент, когда Раскольников лежал, его разбудили пьяные люди на улице: «(...) *выслушивал под своим окном, в третьем часу. Они-то и разбудили его теперь. «А! вот уж и из распивочных пьяные выходят, — подумал он, — третий час, — и вдруг вскочил, точно его сорвал кто с дивана. — Как! Третий уже час (...)*» [5, с. 85]. Потом, например, Раскольников говорил капитану о своей хозяйке: «(...) *позвольте и мне с своей стороны разяснить, что я живу у ней уж около трех лет, с самого приезда из провинции и прежде (...)*» [5, с. 97]. В следующей части произведения Мармеладов был снова пьян, и Катерина Ивановна говорила ему: «...*ешь и пьешь, и теплом пользуешься», а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят!*» [5, с. 18], или же, когда говорилось о психологическом подходе к фактам о преступлении: «(...) *слушай историю: ровно на третий день после убийства (...)*» [5, с. 129] и когда задержали Миколая: «*Душкина задержали и обыск произвели, Митрея тоже; пораспотрошили и коломенских, — только вдруг третьего дня и приводят самого Миколая: задержали его близ (...)*» [3, с. 131].

Автор опять использовал триадичность – Раскольников говорил о том, когда был у старухи ещё до убийства: «— *Когда?.. — приостановился Раскольников, припоминая, — да дня за три до ее смерти я был у ней, кажется.*» [5, с. 232]. Поскольку важным мотивом романа являлось преступление и наказание, то и разговор Раскольникова с Порфирием Петровичем, содержит триадический элемент (они встречаются три раза): «*А засади я вас в тюремный-то замок — ну месяц, ну два, ну три посидите, а там вдруг и, помяните мое слово (...)*» [5, с. 439]. В иной раз, Свидригайлов разговаривал с Авдотьей Романовной: «*Знайте, что у него есть друзья. Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу? У меня есть деньги; я в три дня достану билет.*» [3, с. 470]. В другой раз услышал два выстрела – сигнала: «(...) *А, сигнал! Вода прибывает, — подумал он, — к утру хлынет, там, где пониже место, на улицы, зальет подвалы и погребца, всплывут подвальные крысы (...)* А который-то теперь час?» *И только что подумал он это, где-то близко, тикая и как бы торопясь изо всей мочи, стенные часы пробили три.*» [5, с. 484].

Триадический характер носит не только количество вещей, а также люди или персонажи. Скажем, Мармеладов говорил о своих детях: «*Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи... Вдовой уже взял ее, с троими детьми... И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеко...*» [5, с. 15 – 16]. Одним из наиболее эмоциональных эпизодов являлась часть сюжета связана с письмом от матери Раскольникова: «(...) *узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти трехлетней разлуки!*» [5, с. 37]. Он, его сестра и мать (три человека) встретились после трёх лет. Ещё раз триадичность, связанную с количеством людей, (два дворника + мещанка и три приятеля), можно заметить, когда видели студента Пестрякова у ворот: «(...) *студента Пестрякова видели у самых ворот оба дворника и мещанка в самую ту минуту, как он входил: он шел с тремя приятелями и расстался с ними у самых ворот и о жительстве у дворников расспрашивал, еще при приятелях.*» [5, с. 100].

Достоевский тоже использовал триадичность на уровне выражения кратных: «*Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верхний ящик, — соображал он. — Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатую бородкой, конечно, не от комода (...)*» [5, с. 8]. Раскольникову стало интересно, от чего этот привлекательный, отличающийся от других ключ. Дальше – Раскольников дернул за колокольчик и услышал опять тот же самый звук: «*Вместо ответа Раскольников встал, вошел в сени, взялся за колокольчик и дернул. Тот же колокольчик, тот же жестяной звук! Он дернул второй, третий раз (...)*» [5, с. 164]; когда кучер кричал на пьяного человека перед столкновением: «(...) *крикнул сноважды, да в другой, да в третий... В акурат три раза, все слышали! — крикнул третий.*» [5, с. 167].

Можно ещё припомнить случай посещения Марфы Свидригайловым: «*Да уж три раза приходила. Впервой я ее увидел в самый день похорон, час спустя после кладбища... Второй раз третьего дня, в дороге, на рассвете, на станции Малой Вишере; а в третий раз, два часа тому назад, на квартире, где я стою, в комнате (...) Все три раза наяву.*» [5, с. 271]. Ещё, когда в пятой части романа Раскольников разговаривал с Сонечкой об убийстве, и Лебезятников стучал в дверь: «*В это мгновение кто-то три раза стукнул в дверь.*» [5, с. 402].

При перечислении в разных ситуациях Достоевский использовал триадичность не только в эксплицитной, явной, но и в скрытой, имплицитной формах. Перечисление 3 предметов, людей: «*Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние (...) отказавшись от всякою права действовать, жить и любить!*» [5, с. 44]; когда писал автор о том, что является казенным: «*Коли хочешь, так бери сейчас текст, перьев бери, бумаги — всё это казенное — и бери три рубля*¹⁷ (...)» [5, с. 107]; или одежда Софьи Семеновны Мармеладовой: «*На ней было очень простенькое домашнее платье, на голове старая, прежнего фасона шляпка; только в руках был, повчерашнему, зонтик.*» [5, с. 223]. Идеи и мысли персонажей тоже имели триадический характер, как например у Раскольникова: «*Одна внезапная посторонняя мысль вдруг почти рассмешила его: «Наполеон, пирамиды, Ватерлоо (...)*» [5, с. 260], или у Свидригайлова: «*Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования (...)*» [5, с. 444]. Достоевский некоторые части речи повторял три раза – предполагаем, что автор хотел подчеркнуть настоятельный характер этих конкретных ситуаций – в тот момент, когда Раскольников усаживал гостя Порфирия Петровича: «*Ну что же, что же, что же ты не говоришь? (...)*» [5, с. 426], или в разных случаях для выражения смеха: «*Ну, а как я его брошу? Чем заменю? Не пью-с, вот вся и беда, хе-хе-хе, что не пью-то, беда! (...)* разве этого мало? *Хе-хе-хе!* Впрочем, сознаюсь, ваш вопрос для меня весьма сложен...» [5, с. 427 – 446].

Автор и в данном произведении использовал компонент триадичности вместе с фразеологизмом: «*...ну а в три года вашей разлуки много воды ушло*¹⁸» [5, с. 202].

Фактически в конце произведения – Раскольников хотел признаться и пошёл в контору: «*Надо было подняться в третий этаж... Раскольников задрожал. Пред ним стоял Порох; он вдруг вышел из третьей комнаты. «Это сама судьба (...)*» [5, с. 502 – 503]. Достоевский сам подчеркивал, что это судьба.

Заметно, что триадичность играет важную роль также в «Преступлении и наказании». Вышеприведенные парциальные анализы указывают на большое количество компонентов с триадическим характером – разные понятия и предметы (тридцать шагов, три стула, трехударный револьвер...), деньги (тридцать целковых, тридцать копеек...), время (минута с три, третий уже час...), люди (трое детей, два дворника и мещанка...), кратные (второе, третий раз кликнул, три раза приходила...) и т. д.

Заключение

В пределах анализа можно заметить конкретные и значительные трихотомные элементы текста, которые указывают на триадические образы в избранных произведениях, подтверждающие, и одновременно расширяющие триадический характер эстетико-антропологической концепции. Размер «Двойника» меньше размера «Преступления и наказания», но в произведении находится большое количество трихотомных компонентов: количество понятий (три глупости, три прыжка, три шага, три окна с занавесками...), дней, часов (дело-то было третьего дня..., третий час на холоде, часы проббили три, третий час...),

¹⁷ Это единственная явная форма триадичности в данном отрывке.

¹⁸ В переносном зн. – употребляется в значении: прошло много времени, и произошли изменения.

людей (трое детей...), **деятельности** (третий раз прибегнул, третий раз кликнул...), и **фразеологизм** (три короба). В «Преступлении и наказании» заметно больше компонентов с триадическим характером чем в произведении «Двойник»: разные **понятия и предметы** (тридцать шагов, три стула, трехударный револьвер, колечко с тремя какими-то красными камешками, третий случай, трехлетняя разлука...), **деньги** (тридцать целковых, тридцать копеек, три копейки...), **время** (минута с три, третий уже час, на третий день после убийства, вдруг третьего дня...), **люди** (трое детей, два дворника и мещанка, он шел с тремя приятелями...), **кратные** (второе, третий раз кликнул, три раза приходила, три раза стукнул в дверь...), **имплицитная форма триадичности** (старые, наболевшие, давнишние, медики, юристы и философы, Наполеон, пирамиды, Ватерлоо...), **фразеологизм** (в три года вашей разлуки много воды ушло). Автор использовал триадичность и на уровне градации (третий = последний раз – что-то случилось, было сказано и т.п.): «*Андрей Филиппович третий раз кликнул...*», «*— ну месяц, ну два, ну три посидите...*».

В заключении выражается мнение – чем больше опыта было у автора, тем чаще употреблял триадичность в произведениях. На основе анализа можно предполагать, что явление триадичности усиливается. Между этими двумя произведениями лежит большой промежуток времени – почти двадцать лет. В 1846 г. был опубликован «Двойник», в 1849 г. был Достоевский арестован и в 1866 г. опубликовал «Преступление и наказание». На основе этого можно заметить усиливающую тенденцию триадичности в творчестве Достоевского, конкретнее, изменения в творчестве в процессе сравнения произведений, написанных перед каторгой и после каторги¹⁹.

References:

1. Červeňák, A. Človek do i po tragickej udalosti v obraze literatúry. In: Muránska, N. (red.). Tragédia doby, človeka, literatúry. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre; 2011. pp. 15 – 26.
2. Červeňák A. Tajomstvo Dostojevského. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre; 1991. 139 p.
3. Dekanová, E. Zrkadlo doby v zrkadle jazyka. In: Muránska, N. (red.). Tragédia doby, človeka, literatúry. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre; 2011. pp. 50 – 59.
4. Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah: Bednye lyudi; Povesti i rasskazy. Pod. red. V. G. Bazanova. Leningrad: Izdatel'stvo Nauka; 1972. 519 p.
5. Dostoevsky, F. M. Prestuplenie i nakazanie. Pod. red. E. Zhezlovoj. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury; 1955. 551 p.
6. Freud, S. The Ego and the Id. London: The Hogarth Press; 1923. 128 p.
7. Freud, S. Jokes and Their Relation to the Unconscious. New York: W. W. Norton & Company; 1960. 368 p.
8. Hegel, G. W. F. The Science of Logic. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 866 p.
9. Horney, K. Neurosis and Human Growth. New York: W. W. Norton & Company; 1991. 400 p.
10. Kováč, D. Základné kategórie psychológie. Bratislava: ÚEP SAV; 1996. 50 p.
11. Muránska, N. Esteticko-antropologická koncepcia literatúry a prof. PhDr. Andrej Červeňák, DrSc. Nitra: UKF; 2007. 338 p.

¹⁹ На изменение связные с периодами до и после каторги обращают внимание словацкий литературовед А. Червеньяк (см. об этом: ČERVENĀK, A. 2011. Človek do i po tragickej udalosti v obraze literatúry In: Muránska, N. (ed.). Tragédia doby, človeka, literatúry. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre.) и словацкая специалист по переводоведению Е. Деканова (см. об этом: DEKANOVÁ, E. 2011. Zrkadlo doby v zrkadle jazyka. In: Muránska, N. (ed.). Tragédia doby, človeka, literatúry. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre.).

12. Muránska, N. Hudozhestvennyj antropocentrizm F.M. Dostoevskogo i antropologičeskaya estetika. In: F.M. Dostoevsky: sostoyanie issledovanij i sovremennoe znachenie. Brno: Masarykova univerzita; 2019. pp. 79 – 96.
13. Muránska, N. Tvorčestvo F.M. Dostoevskogo v slovackom kul'turnom prostranstve. In: Tvorčestvo F.M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretacii. Novokuzneck – Krasnojarsk: Novokuzneckij institut (filial) Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Kemerovskij gosudarstvennyj universitet»; 2020. pp. 82 – 92.
14. Švancara, J. Biologická determinácia správania. Bratislava: SPN; 1975. 123 p.

Information about the Author:

Patrik Lekes (Nitra, Slovak Republic) – Postgraduate Student of Department of Slavonic Philology of Faculty of Arts, Constantine the Philosopher University in Nitra. ORCID ID: 0000-0002-9466-1883. E-mail: patrik.lekes15@gmail.com/ patrik.lekes@ukf.sk

Acknowledgements:

The article is based on the UGA III/7/2022 (UGA UKF v Nitre) research grant project F. M. Dostoevsky – writer and psychologist (F. M. Dostojevskij – spisovatel' a psychológ).

The author would like to sincerely thank the editors of journal for accepting this article.

Contribution of Author: Solely the author contributed to this work.